

26(2р) 4Т(ж)
п 30

КИРИЛЛО-МЕОДИЕВСКИЙ АКТЪ

ВЪ ТУЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

6-ГО АПРѢЛЯ 1885 ГОДА.

ТУЛА.

Типографія Н. И. Соколова.

1885.

86 (ар. цтучл)

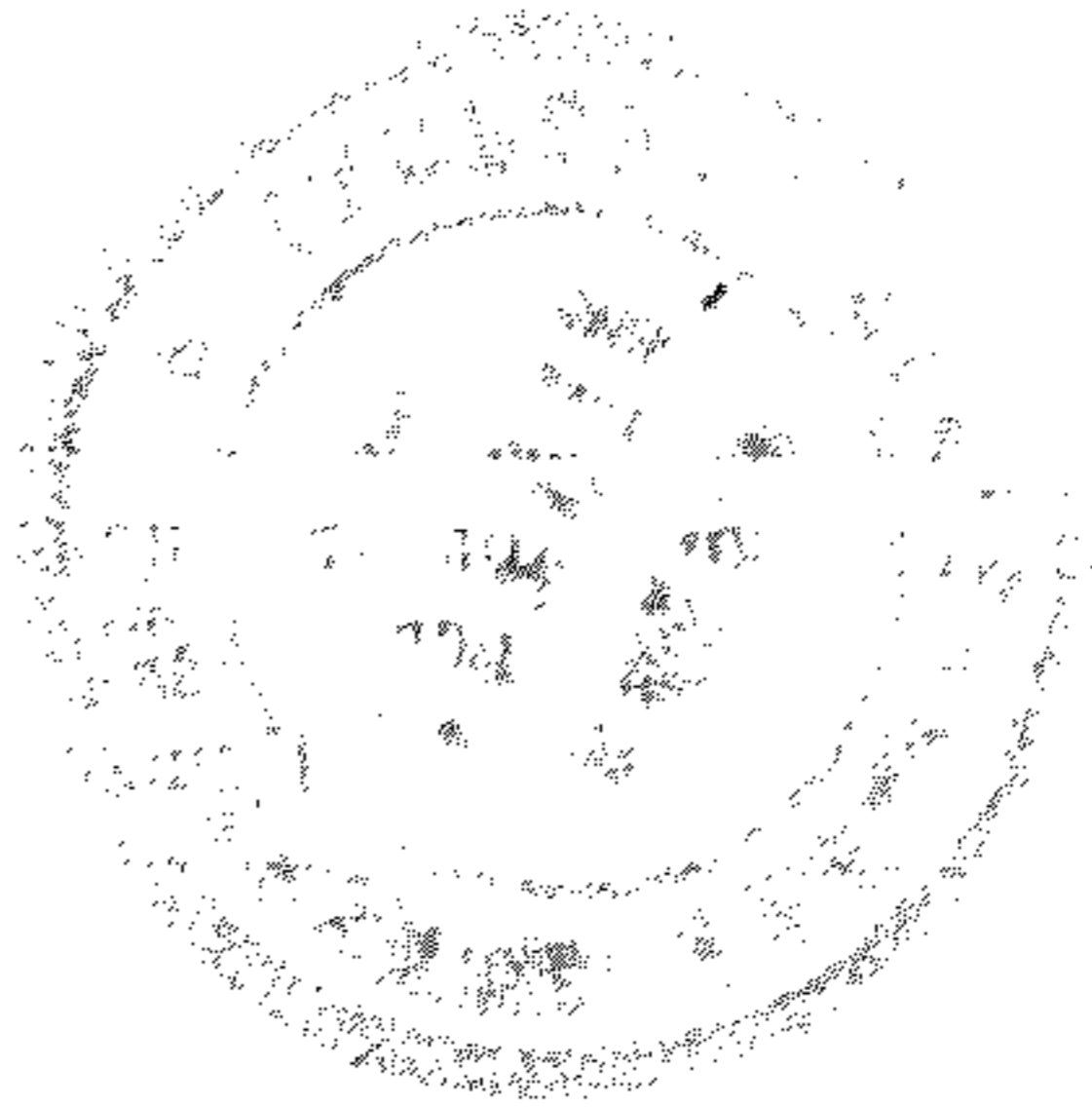
ПЗО

Петровекии С.

КИРИЛЛО-МЕВОДИЕВСКІЙ АКТЪ

ВЪ ТУЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ 6-ГО АПРѢЛЯ

1885 ГОДА.

О. О. К.

~~В. В. В.~~

ТУЛА.

Типографія Н. И. Соколова.

1885.

.....
Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Апрѣля 25 дня 1885 года.

Цензоръ протоіерей *Михаилъ Боголюбскій.*
.....

КИРИЛЛО-МЕӨОДИЕВСКІЙ АКТЪ

въ тульской духовной семинаріи 6-го апрѣля
1885 года.

6-е апрѣля—день тысячелѣтней памяти великаго апостола славянъ Меөодія—этотъ незабвенный въ лѣтописяхъ славянскаго міра день—торжественно отпразднованъ былъ въ стѣнахъ тульской духовной семинаріи. Какъ учебное заведеніе, служащее высокимъ интересамъ вѣры и церковной науки, Тульская семинарія свѣтло, оживленно и торжественно чтитъ память святыхъ Кирилла и Меөодія—этихъ провозвѣстниковъ Христовой вѣры и предвѣстниковъ церковной богословской науки среди славянскихъ народовъ. Послѣ литургіи въ семинарской церкви, закончившейся молебствіемъ славянскимъ просвѣтителямъ, въ залѣ семинаріи состоялся актъ въ память свв. первоучителей славянъ. Къ часу дня актовая зала семинаріи стала наполняться воспитанниками во главѣ съ служащимъ персоналомъ и лицами изъ посторонней публики. Актное торжество въ семинаріи почтили своимъ вниманіемъ многія изъ высокопоставленныхъ лицъ города Тулы. На актъ прибыли начальникъ губерніи С. П. Ушаковъ, предводитель дворянства Ѳ. А. Свѣчинъ, начальникъ тульскаго оружейнаго завода генераль В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, предсѣдатель окружнаго суда И. М. Остроглазовъ, товарищъ предсѣдателя П. А. Васильевъ и многія другія почетныя лица изъ духовнаго и свѣтскаго сословій. Въ началѣ 2-го часа прибылъ въ семинарію Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Никандръ, Архіепископъ тульскій, послѣ служенія, совершеннаго имъ въ

Кафедральномъ соборѣ. Содержаніе актовaго торжества опредѣлено было прилагаемою при семъ программою. Разнообразный матеріалъ Кирилло-Меѳодіевскаго акта распределенъ былъ такъ удачно, что двухчасовое время исполненія акта прошло совершенно незамѣтно: правильная смѣна однихъ отдѣленій акта другими — чтенія рѣчей и пѣніемъ гимновъ поддерживала постоянно интересъ и вниманіе публики. Довольно пріятнымъ явленіемъ, между прочимъ, было чтеніе на актѣ учениками своихъ сочиненій въ стихотворной и прозаической формѣ, составленныхъ приспособительно къ празднику. Выступленіе учениковъ предъ публикой съ своими посильными твореніями произвело на учащихся въ семинаріи благотворное въ педагогическомъ отношеніи вліяніе. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе продолжительности актовaго торжества, нѣкоторыя изъ ученическихъ сочиненій остались не прочитанными.

П Р О Г Р А М М А

АКТА ВЪ ТУЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НА 6-Е АПРѢЛЯ
1885 Г., ВЪ ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СВ.
МЕѲОДІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОРАВИИ И ПАНОНИИ, ПРОСВѢ-
ТИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ.

1. Трошарь свв. Кириллу и Меѳодію. (Пропѣли всѣ ученики семинаріи.)
2. Гимнъ: „Славяне! Пѣсню высокой почтимъ апостоловъ славянъ“. (Семинарскій хоръ.)
3. Рѣчь преподавателя семинаріи П. И. Малицкаго о дѣятельности свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія и ея церковно-историческомъ значеніи для славянскаго міра.
4. Кантата, составленная по случаю празднуемаго тысячелѣтія Л. Д. Малашкинымъ. (Исполнили соединенные хоры архіерейскихъ и семинарскихъ пѣвчихъ.)
5. Рѣчь преподавателя семинаріи С. А. Петровскаго о значеніи дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія для государственной жизни славянъ.
6. Гимнъ въ честь свв. Кирилла и Меѳодія; сочиненіе протоіерея А. Н. Иванова. (Архіерейскій хоръ.)

7. Гимнъ: „Слава вамъ, братья, славянъ просвѣтители, церкви славянской святыя отцы“. Сочин. В. И. Главача. (Семинарскій хоръ.)

8. Сочиненія учениковъ семинаріи, написанныя по случаю настоящаго празднованія.

9. Концертъ: „Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже, въ Сіонѣ“. (Архіерейскій хоръ.)

10. Гимнъ: „Боже, Царя храни“. (Общее пѣніе воспитанниковъ съ хорами пѣвчихъ.)

Р Ѣ Ч Ъ

преподавателя П. И. Малицкаго.

Дѣятельность свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія и ея церковно-историческое значеніе.

Скромное торжество въ стѣнахъ этого заведенія, посвященное тысячелѣтней памяти великаго славянскаго учителя Меѳодія, есть отголосокъ того грандіознаго въ цѣломъ торжества, которое совершается въ славянскомъ мірѣ. Многочисленныя славянскія племена Востока, Запада и Юга Европы, забывъ рознь, внесенную въ нихъ исторіею и врагами славянскаго міра, слились въ одномъ чувствѣ благодарности къ своему великому учителю Меѳодію и не менѣе великому его брату Кириллу, — поспѣшили почитать этихъ борцовъ за святыя интересы славянскаго дѣла. Вникая въ смыслъ и значеніе настоящаго всеславянскаго торжества, невольно переносишься мыслию въ дальнюю старину, за тысячу лѣтъ назадъ, къ той эпохѣ, когда славянскій міръ только что начиналъ свою исторію: тамъ далеко, на первомъ рубежѣ славянской жизни, стоитъ то событіе, которое даетъ содержаніе настоящему торжеству. Въ туманной дали прошлаго, отдѣленнаго отъ насъ тысячелѣтнымъ промежуткомъ, съ свѣтлымъ обликомъ вырисовываются предъ нами два великихъ историческихъ образа, съ которыми тѣсно связана вся послѣдующая исторія православно-славянскаго міра. Раздвигая эту тысячелѣтную завѣсу и мысленно переносясь въ ту сѣдую древность, мы созерцаемъ такого рода трогатель-

ныя картины: вдали отъ своей родной Византіи и второй своей славянской родины Моравіи, въ далекомъ Римѣ, среди не большаго кружка преданныхъ себѣ и своему дѣлу лицъ, посреди большаго числа людей подозрительныхъ, недовѣрчивыхъ и завистливыхъ умираетъ Св. Кирилль, поручивъ продолжать начатое дѣло просвѣщенія славянъ брату своему Меѳодію; а спустя 16 лѣтъ, ровно тысячу лѣтъ назадъ, въ Моравскомъ Велеградѣ повторяется въ томъ же родѣ трогательная сцена: Мораво-Паннонскій архіеписковъ Меѳодій съ тяжелымъ предчувствіемъ, что злыя интриги могутъ погубить его великое дѣло въ Моравіи, оставляетъ этотъ міръ.

Миновала тысяча лѣтъ, какъ свв. братья сошли съ исторической сцены; положила исторія свои тяжелые слѣды на мѣстахъ ихъ непосредственной дѣятельности; разрушили злыя интриги въ нѣкоторыхъ странахъ ихъ великое дѣло, но ни дѣло ихъ не погибло, ни имена дѣятелей не изгладились изъ памяти потомства. Свято хранились имена славянскихъ просвѣтителей въ устахъ славянскихъ народовъ, съ ихъ именами связывались лучшія явленія въ славянскомъ мірѣ, и вотъ теперь славянской міръ, разрозненный политическими и религіозными началами, тѣми же именами въ день тысячелѣтней памяти Меѳодія соединяется въ одну цѣлую славянскую семью, переживаетъ одно чувство благодарности къ своимъ великимъ учителямъ.

На долю немногихъ историческихъ личностей выпадаетъ счастливая судьба пережить тысячелѣтную эпоху и остаться живыми въ памяти народовъ. Это — удѣлъ тѣхъ рѣдкихъ избранныхъ натуръ, дѣло которыхъ составляетъ прочный памятникъ, не поддающійся всесокрушающему и вседробящему молоту времени. Такой памятникъ и воздвигли себѣ свв. братья въ славянскомъ мірѣ. Съ ихъ именемъ связано великое дѣло духовнаго просвѣщенія славянскихъ народовъ. Все лучшее, все дорогое, чѣмъ богатъ славянской міръ въ своемъ духовномъ развитіи, выродилось изъ великаго дѣла свв. братьевъ.

Лучшею наградою для такихъ дѣятелей можетъ быть только живая память объ ихъ заслугахъ и склоненіе благодарнаго чувства предъ величіемъ ихъ дѣла. И если

когда, то особенно въ настоящій знаменательный для славянскаго міра день вмѣстѣ всего почитить память славянскихъ апостоловъ воспоминаніемъ объ ихъ заслугахъ для славянскаго міра.

Не утомляя вашего вниманія біографическими подробностями, замѣчу только, что свв. братья были особенными избранниками Божиими. Въ душевномъ складѣ того и другаго въ раннюю пору жизни сказывается преобладаніе религіозныхъ мотивовъ. Во имя этихъ побужденій каждый изъ нихъ рано начинаетъ тяготиться жизнью среди мірскаго общества, гдѣ по происхожденію и широкому для того времени образованію они были очень замѣтными людьми. Для нихъ открывалась широкая дорога къ мірскимъ почестямъ, но не на эту дорогу влекли ихъ личныя склонности: ихъ путеводною звѣздою была религія. Охотно принимаетъ участіе младшій Кириллъ въ защитѣ иконопочитанія противъ иконоборцевъ; охотно идетъ вести диспуты съ арабскими учеными въ Милитинѣ, но не охотно остается въ столицѣ. Столичное общество по шаткости своей морали было не по душѣ для благочестиваго Кирилла. Внѣшняя религіозность, не согрѣтая внутреннимъ чувствомъ, часто являлась тутъ въ формѣ религіознаго лицемерія; съ видимою преданностію религіи, тутъ уживались индифферентизмъ, а не рѣдко и кощунственное отношеніе къ предметамъ вѣры; ослабѣла сила совѣсти въ Византійскомъ обществѣ и удовольствіе стало цѣлію жизни. Такая душная атмосфера была слишкомъ тяжела для благочестивой души Кирилла, и онъ бѣжитъ изъ столицы. Тотъ же религіозный мотивъ проходитъ и въ жизни старшаго брата, Мсѳодія. Военная служба, высокое положеніе воеводы въ славянской области Македонской провинціи — вся эта суета молвы житейской — не отвѣчаютъ его личнымъ вкусамъ, и онъ мѣняетъ высокое положеніе воеводы на скромное незамѣтное званіе монаха. Труды монастырскихъ подвиговъ бывшаго воеводы явился раздѣлить и братъ его Кириллъ послѣ своего путешествія къ арабскому эмиру.

Моментъ поселенія свв. братьевъ въ монастырской кельѣ есть величайшій моментъ въ исторіи славянскаго міра. По точнымъ хронологическимъ указаніямъ онъ относится

къ 855-му году, тому знаменательному году, когда изобрѣтена была славянская азбука. Здѣсь въ тихой монастырской кельѣ, при слабомъ свѣтѣ мерцавшей лампады, совершился величайшій актъ человѣческаго творчества. Летучія волны славянскихъ звуковъ облечены были въ видимыя формы, начертаны были славянскія письмена, послужившія плодотворнымъ сѣменемъ развитія славянскихъ народовъ. Здѣсь созрѣлъ широкій планъ просвѣщенія вѣрою славянъ и положено начало переводу библейскихъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Разъ совершилось великое дѣло изобрѣтенія славянской грамоты, тихая монастырская жизнь свв. братьевъ не могла болѣе длиться. Монастырская келья была слишкомъ тѣсна, чтобы вмѣщать такое великое открытіе: достойнымъ вмѣстилищемъ его могъ быть только цѣлый славянскій міръ. И раздвигаются предѣлы этой кельи, и выступаетъ великій трудъ великихъ труженниковъ на широкую арену славянскаго міра. Замѣчательное явленіе! Славянская проповѣдь прежде всего слышится на нашемъ Югѣ, гдѣ политическое господство хотя принадлежало Хозарамъ, но преобладающій элементъ въ населеніи былъ славянскій; сѣмя славяно-христіанской проповѣди сѣется тамъ, откуда возсіялъ намъ свѣтъ вѣры Христовой. Пускай склонные допускать случайности въ исторіи объясняютъ случайнымъ явленіемъ и миссію свв. братьевъ на Югъ нашей Россіи, въ страну Хозаръ; но подъ внѣшними побужденіями къ этой миссіи мы осмѣливаемся усмотрѣть болѣе скрытыя путины Божественнаго промысла. Россія имѣвшая въ будущемъ стать во главѣ славянскихъ народовъ, сдѣлаться носительницею славянскаго знамени и достойною наследницею трудовъ великихъ апостоловъ, первая удостоилась и слышать тайны Христовой вѣры на своемъ языкѣ. Проповѣдію среди Хозаръ и славянскихъ племенъ нашего Юга положено начало широкой миссіонерской дѣятельности свв. братьевъ среди славянскихъ народовъ. Едва возвратились они изъ далекой Хозаріи, какъ присѣло приглашеніе въ Моравію и Паннонію. Съ величайшею посѣшностію отзываются К. и М. на призывъ Моравскихъ князей. Ихъ давняя мечта помочь славянамъ осуществляется, ихъ великій трудъ—славянская грамота

находить себѣ примѣненіе. По Дунаю, по Моравѣ, въ Моравскій Велеградъ летѣла, предшествуя имъ, молва объ изобрѣтеніи понятныхъ народу славянскихъ письменъ, неслась вѣсть о переводѣ св. Писанія на родной народу языкъ, и та вѣсть была принимаема народомъ, какъ благодать новаго цивилизующаго крещенія путемъ образованія родной мысли и роднаго языка. Народъ выходилъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ, Моравскій князь съ почетомъ принималъ ихъ.

Прибытіе свв. братьевъ въ Моравію было моментомъ величайшаго триумфа славянскихъ апостоловъ, а съ ними вмѣстѣ и всего православнаго Востока. Въ этомъ моментѣ заключается побѣда широкаго взгляда православнаго востока на устройство національныхъ церквей надъ узкимъ взглядомъ запада, создававшимъ эти церкви по стереотипному образцу церкви римской безъ всякихъ приспособленій къ національнымъ интересамъ. Были латинскіе проповѣдники въ Моравіи до К. и М., организована была тутъ церковь нѣмецкимъ духовенствомъ, но народъ холодно относился къ вѣрѣ, и язычество продолжало крѣпко держаться въ народныхъ нравахъ. Чуждое національнымъ интересамъ нѣмецкое духовенство не заботилось о духовномъ развитіи народа, латинское неопытное богослуженіе ничего не говорило сердцу народа. Но вотъ являются сюда проповѣдники съ востока, и моравская церковь принимаетъ иной видъ. Начинается широкое преобразование ея на національныхъ началахъ. Раздалась проповѣдь на славянскомъ языкѣ, слышалось родное чтеніе и пѣніе въ церкви, заводились школы, подготавлилась національная іерархія. Съ благодарностію вспоминалъ моравскій народъ далекую Византію, выславшую такихъ проповѣдниковъ, съ довѣріемъ относился къ трудамъ новыхъ своихъ учителей. Цивилизующее значеніе реформы, произведенной въ Моравіи К. и М., прекрасно выражено въ одномъ сказаніи о жизни славянскихъ апостоловъ. „Самъ Господь возвеселился, когда въ церквахъ раздалось славянское пѣніе, и діаволь былъ посрамленъ“. Подъ руками энергичныхъ организаторовъ быстро росла славянская церковь. Чехія и Польша, Далмація и Болгарія не остались внѣ вліянія дѣятельности славянскихъ

апостоловъ. посредственно и непосредственно проникала сюда славянская проповѣдь и здѣсь возникали церкви на славянскихъ началахъ.

Но начало триумфа было и началомъ великихъ испытаній для славянскихъ апостоловъ. Цѣлою вереницею потянулись они за ихъ апостольскими трудами. Проповѣдь въ Моравіи, странѣ, относящейся къ западному патріархату, подчиненной непосредственно вѣдѣнію церковной власти баварскихъ епископовъ, сопровождалась не пониженіемъ только, а положительнымъ уничтоженіемъ вліянія на страну нѣмецкаго духовенства; такая проповѣдь не могла не вызвать противодѣйствія со стороны оскорбленнаго самолюбія нѣмецкихъ епископовъ. Разыгрались іерархическія страсти, и началъ сплетаться для славянскихъ апостоловъ терновый вѣнецъ, какой пришлось имъ нести за свое святое дѣло до могилы съ тѣмъ только различіемъ, что въ одно время, по усмотрѣнію расчетливаго Рима, этотъ вѣнецъ слишкомъ тяжело давилъ голову, въ другое его давленіе нѣсколько слабѣло. Полетѣли жалобы въ Римъ на этихъ людей, которые не желанными гостями явились въ чужую область, развиваютъ тамъ дѣло въ направленіи, обѣщающемъ долговѣчную самобытность славянству, создаютъ національную славянскую церковь и разрушаютъ дѣло онѣмечиванія славянскихъ племенъ путемъ церковной пропаганды запада.

Съ точки зрѣнія установившихся церковныхъ порядковъ запада было въ чемъ винить новыхъ проповѣдниковъ. Введеніемъ славянскаго языка въ Богослуженіи они нарушали вѣковой обычай церкви римской. Со временъ апостольскихъ и до настоящаго времени римская церковь считала и считаетъ тѣ только языки правоспособными для общественнаго богослужебнаго прославленія Господа, на которыхъ начертано было титло на крестѣ Спасителя. Въ церквахъ своего патріархата, не считаясь съ національными интересами народовъ, она вводила и вводитъ обязательно латинскій языкъ въ богослуженіи. Какъ нарушителей церковныхъ порядковъ запада, свв. братьевъ потребовали въ Римъ. Ихъ дѣло, свободно развивавшееся въ теченіи четырехъ лѣтъ въ Моравіи, осложняется теперь вторженіемъ въ него всесильнаго въ то время на западѣ папскаго авторитета.

Отношенія папъ къ славянскимъ первоучителямъ представляютъ интереснѣйшій эпизодъ церковно-историческихъ явленій. Въ этихъ отношеніяхъ выразилась вся гибкость церковной политики Рима, вся система церковныхъ приспособленій папства, которыми такъ широко зажилъ Римъ съ IX в. и продолжаетъ жить до настоящаго времени. Время сношеній славянскихъ первоучителей съ папскимъ дворомъ падаетъ на такую эпоху, когда историческимъ ходомъ вещей выдвинуть былъ весьма крупный вопросъ для папства. То было время когда идея папскаго главенства, постепенно зрѣвшая и проводившаяся въ церковной жизни запада, въ IX в. воспрянула какъ сила, готовая поработить себѣ православный востокъ. Лжеисидоровскими декретами, съ вполне развитою системою вселенскихъ правъ папы, вопросъ о главенствѣ римскаго первосвященника поставленъ былъ круто и безповоротно. Въ этомъ вопросѣ заключается ключъ къ разъясненію отношеній папъ ко всѣмъ церковно-историческимъ явленіямъ запада вообще и къ нашимъ славянскимъ первоучителямъ въ частности. Во имя идеи главенства шло тогда систематическое подавленіе на западѣ тѣхъ церковно-каноническихъ порядковъ, которые жили еще кое гдѣ въ преданіи западнаго духовенства. Зорко въ то же время поглядывали папы на православный востокъ и славянскія земли, и ихъ темная игра дѣломъ славянскихъ учителей исключительно зависѣла отъ положенія дѣлъ на востокѣ и въ странахъ славянскихъ. Являлась надежда на повышение своего вліянія на востокѣ, — дается свобода дѣйствій славянскимъ первоучителямъ; возникаетъ опасность потерять славянскія страны для своей церковной власти, и изъ Рима поощряется и похваляется дѣятельность свв. братьевъ; Римъ уступками стремится привязать къ себѣ такихъ вліятельныхъ среди славянъ проповѣдниковъ. Теряютъ значеніе всѣ эти обстоятельства, и римскій первосвященникъ снимаетъ съ себя маску, становится грознымъ судьбою такого дѣла, которое шло въ разрѣзъ съ принятыми обычаями запада. Отъ того крайняя неустойчивость поражаетъ историка въ отношеніяхъ папъ къ славянскимъ проповѣдникамъ и ихъ распоряженіяхъ касательно моравскоѣ церкви. Тутъ выступаютъ на сцену мѣры и по-

лумѣры, нерѣшительныя распоряженія и противорѣчія; рука объ руку идутъ похвала и порицаніе славянскихъ проповѣдниковъ, разрѣшеніе, запрещеніе и ограниченіе славянскаго богослуженія. Полное участіе и полнѣйшая безучастность, полное довѣріе и іезуитское соглядатайство слѣдуютъ за Меѳодіемъ изъ одного того же Рима. При системѣ церковныхъ приспособленій Рима неудивительны одновременныя благоволенія папы къ славянскимъ учителямъ и тормазы ихъ св. дѣлу, заявленіе папскаго патрона славянской проповѣди и крайнее невниманіе папы къ интригамъ и злымъ кознямъ нѣмецкаго духовенства противъ этой проповѣди. Меѳодій по интригамъ этого духовенства 2¹/₂ года съ учениками томится въ заключеніи, и папа молчитъ; противъ моравскаго архіепископа ведетъ козни подчиненный ему епископъ Нитры, нѣмецъ Викингъ, и папа въ утѣшеніе даетъ совѣтъ терпѣть это ради награды небесной. Этотъ Римъ, зорко охранявшій принципъ церковной централизаціи, готовъ былъ на время терпѣть и церковную анархію тамъ, гдѣ это совпадало съ его видами. Съ его точки зрѣнія организаторъ славянской церкви Меѳодій являлся опаснымъ революціонеромъ: тормозить его дѣло было св. дѣломъ Рима. Короче говоря, въ отношеніяхъ папъ къ дѣлу славянскихъ первоучителей выказалась та базуистика Рима, великая сила которой выразилась потомъ въ софистической схоластикѣ среднихъ вѣковъ и логикѣ іезуитовъ новаго времени.

Но слишкомъ проникнуты были величіемъ своего дѣла свв. братья, чтобы обращать вниманіе на двухмысленное отношеніе къ нимъ Рима и дѣлать уступки въ пользу римской исключительности. Троекратно совершается путешествіе въ Римъ св. Меѳодіемъ, ведутся горячіе споры въ защиту славянскаго языка и противъ тринаязычниковъ. Убѣжденіе въ святости этого дѣла, въ необходимости трудиться ради него сказалось и въ послѣднихъ словахъ св. Кирилла къ своему брату Меѳодію. „Какъ два вола велимы съ тобой одну борозду. Я падаю, день мой кончился; ты же не вздумай оставить трудовъ ученія и удалиться на свою любимую гору. Среди славянъ ты скорѣе обрѣтешь спасеніе“. И вѣренъ остался св. Меѳодій завѣту

своего брата: одинъ потянулъ плугъ, воздѣлывая славянскую ниву.

Его энергія и трудъ въ связи съ вынужденною дипломатическою уступкою Рима славянской церкви обезпечили на время существованіе ея въ западно-славянскихъ странахъ. Росла и крѣпла славянская церковь. Грозная сила вставала въ этомъ объединенномъ церковно-національными началами славянствѣ для западнаго міра. Славянская церковь съ своимъ роднымъ богослужебнымъ языкомъ, съ своею національною іерархіею обѣщала въ будущемъ сдѣлаться такимъ колоссомъ, на который трудно и невозможно будетъ наложить духовное иго Рима. Въ интересахъ Рима было разрушить эту силу и изъ строинаго зданія славянскихъ апостоловъ создать однѣ развалины если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ славянскихъ странахъ, подвѣдомыхъ римскому патріархату. Нужны были для Рима только виѣшнія благопріятныя условія, чтобы началась въ такомъ направленіи работа, и они, съ несчастію для западныхъ славянъ, наступили. И чего Римъ не успѣлъ сдѣлать при жизни свв. первоучителей, то съ убійственною энергіею онъ совершилъ послѣ ихъ смерти.

6-го апрѣля 885 г., во вторникъ на страстной недѣлѣ, умеръ великій поборникъ духовныхъ интересовъ славянства Меѳодій. Не стало въ живыхъ моравскихъ князей Ростислава и Святополка, которые своимъ славянскимъ могуществомъ, сдерживали римскую притязательность, прошла надобность Риму приспособляться къ православному востоку, на поработеніе котораго потеряны были всѣ виды; миновала опасность церковнаго союза съ востокомъ Моравіи, стѣсненной въ самыя узкія политическія рамки и отрѣзанной отъ востока дикими венграми; и Римъ начинаетъ свою разрушительную работу надъ славянской церковію. Латино-нѣмецкая іерархія вступаетъ въ полныя права въ Моравіи; подъ давленіемъ ея гонимій поборники дѣла Меѳодія оставляютъ страну и находятъ пріютъ въ свободной отъ вліяній Рима Болгаріи. Булою Іоанна IX уничтожается самостоятельная моравская церковь и подчиняется нѣмецкой епископіи. Начинается систематическое преслѣдованіе въ богослуженіи сла-

вянскаго языка въ Чехіи, Богеміи, Далмаціи и Моравіи. Въ папскихъ буллахъ и посланіяхъ названіемъ варварскаго клеймится языкъ славянскій и требуется обязательная замѣна его латинскимъ; запрещается посвященіе на церковныя должности лицъ, знающихъ только славянскій языкъ; печатаются церкви, гдѣ совершалась Кирилло-Меѳодіевская служба; истребляются славянскія книги, набрасывается тѣнь подозрѣнія на православіе славянскихъ учителей. Поднимаемое *crescendo* преслѣдованіе славянской церкви разрѣшается наконецъ обвиненіемъ въ ереси ея организаторовъ. Въ 1061 г. устами верховной главы церкви римской, папы Александра II-го свв. братья объявляются еретиками, ихъ ученіе обзывается еретическимъ, ихъ письменность готскою, аріанскою. Только въ одномъ уголкѣ западно-славянскаго міра, подвѣдомаго церковной власти Рима, въ Далмаціи, сохранилось славянское богослуженіе, но и тамъ Римъ далъ ему соотвѣтствующую своимъ интересамъ форму: странная по начертанію глаголица смѣнила здѣсь вразумительную кириллицу; авторитетомъ Іеронима, выданнаго за изобрѣтателя глагольской азбуки, заслоненъ авторитетъ свв. братьевъ; книги глагольскаго начертанія приспособлены спеціально къ латинскимъ службамъ.

Мы закончили бѣглый очеркъ дѣятельности свв. братьевъ; мы видѣли, какъ много труда выпало на ихъ долю, чтобы отстоять свое дѣло при жизни, и какъ много энергіи, достойной лучшаго предложенія, употребилъ Римъ, чтобы уничтожить ихъ дѣло послѣ ихъ смерти. По естественной логикѣ вещей слѣдовало бы ожидать отъ Рима совершенно холоднаго, безучастнаго отношенія къ памяти свв. братьевъ. Но у Рима иная логика. Разрушивъ ихъ дѣло у западныхъ славянъ, не могъ истребить Римъ изъ памяти ихъ имена великихъ славянскихъ апостоловъ. Въ воспоминаніяхъ западныхъ славянъ К. и М. жили и живутъ, какъ ихъ просвѣтители; съ ихъ именами связывались для Рима опасныя традиціи объ устройствѣ славянскихъ церквей въ духѣ восточнаго православія и приспособительно къ національнымъ интересамъ. Могъ наступить моментъ, когда эти традиціи получаютъ особенную силу, и западные славяне потребуютъ или силою возьмутъ у Рима

похищенное имъ дорогое наслѣдіе своихъ великихъ первоучителей. Просвѣтители славянъ легло могли сдѣлаться объединяющимъ органомъ духовно-разъединенныхъ славянъ. Чтобы устранивъ эту опасность нужно было подтасовать ихъ дѣло и измѣнить ихъ образъ, и — христіанскій Римъ поступаетъ съ славянскими апостолами точно такъ же, какъ его языческій предокъ поступалъ съ божествами покоренныхъ себѣ народовъ. Чтобы крѣпче связать съ собою подчиненныя страны, древній языческій Римъ давалъ ихъ божествамъ мѣсто въ своемъ пантеонѣ; чтобы сильнѣе поработить своему игу западно-славянскія племена, новый христіанскій Римъ помѣщаетъ въ число католическихъ святыхъ славянскихъ апостоловъ, обозванныхъ имъ нѣкогда еретиками, и путемъ подтасовки фактовъ исторіи старается ихъ православному дѣлу дать католическую окраску. Широкія манифестаціи въ день тысячелѣтней памяти Меодія прошли въ славяно-католическихъ странахъ. Но за славянскимъ чувствомъ чествованія свв. братьевъ скрывались тамъ демонстративныя виды католической іерархіи. Католическая іерархія хочетъ показать православному славянству, что славянскіе первоучители были вѣрными сынами католической церкви, проводниками ея вѣрованій и что только тѣ славяне въ правѣ видѣть въ свв. братьяхъ своихъ учителей, которые находятся въ подчиненіи Риму. Искаженіе фактовъ, во имя предвзятой тенденціи доведено тамъ до крайности. Чтобы окатоличить славянскихъ апостоловъ, усердные слуги папства приписываютъ ихъ ученію тѣ признаки, которыми позднѣе отличается католицизмъ отъ православія; въ уста свв. братьевъ влагаютъ даже символъ съ прибавленіемъ *Filioque*!

Не будемъ вдаваться въ подробности для разоблаченія такой клеветы на память свв. братьевъ. Обидно только становится, когда въ жертву нечистыхъ побужденій приносятся факты исторіи и клевета рассчитывается на невѣжество. Въ данномъ случаѣ есть то и другое. Роковое *Filioque* — единственная на первыхъ порахъ догматическая разность, отдѣлявшая западъ отъ востока, дѣйствительно существовало на западѣ въ испанскихъ, фрякскихъ и нѣмецкихъ церквахъ; новое ученіе развивалось постепенно

и среди римскаго духовенства, но римская церковь, къ которой имѣли отношеніе просвѣтителі славянъ, была чужда еще этой крупной догматической особенності въ пору дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Только спустя 129-ть лѣтъ послѣ Меѳодія, въ 1014 г. эта роковая прибавка вошла въ символъ церкви римской! Проповѣдники съ востока, никогда не измѣнявшаго символа, свв. братья не могли принимать новаго догмата, котораго не дерзала еще исповѣдывать римская церковь. Они, напротивъ, вели борьбу съ іонатурскою ересью, или новымъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа, встрѣчая защитниковъ его среди латино-нѣмецкаго духовенства. Фактъ этой борьбы отмѣченъ въ лѣтописяхъ ихъ жизни. Но самое вѣское и рѣшительное доказательство, что славянскіе первоучители не были проводниками церковныхъ порядковъ Рима, что ихъ дѣло расходилось съ обычаями запада, заключается въ упорномъ систематическомъ преслѣдованіи ихъ дѣла со стороны папъ у западныхъ славянъ. Нѣтъ нужды, что свв. братья находились въ союзѣ съ Римомъ, являлись туда по призыву папы; это требовалось каноническимъ порядкомъ вещей. Время ихъ дѣятельности падаетъ на такую эпоху, когда востокъ и западъ представляли еще единую нераздѣльную церковь; они проповѣдывали въ странѣ, подвѣдомой западному патріарху и потому самому обязаны были прислушиваться къ его распоряженіямъ, находиться съ нимъ въ духовномъ единеніи.

Не католическому западу, — понимая это выраженіе въ его современномъ значеніи, принадлежатъ великіе славянскіе апостолы. Пышныя манифестаціи запада въ честь ихъ памяти съ лицемѣрною подвладкою католической іерархіи, походятъ на блестящую форму безъ содержанія. Тамъ вспоминали имена, погубивъ сознательно связанное съ ними дѣло, и это дѣло погублено тѣмъ самымъ Римомъ, который теперь руководитъ Кирилло-Меѳодіевскими торжествами у западныхъ славянъ. Но не искушить католическому Риму этимъ внѣшнимъ чествованіемъ памяти великихъ братьевъ своихъ оскорбленій ихъ памяти въ прошломъ! Православному славянству всецѣло принадлежатъ свв. Кирилль и Меѳодій; они первоучители тѣхъ славянскихъ народовъ, у которыхъ сохранилось ихъ

дорогое наслѣдіе, существуетъ національная славянская церковь, слышится славянское богослуженіе.

Неизмѣримо велико значеніе ихъ дѣла для этихъ народовъ! Всѣмъ своимъ духовнымъ развитіемъ они обязаны Солунскимъ апостоламъ. Благодаря ихъ великому дѣлу, они побѣдоносно вышли изъ всѣхъ историческихъ пертурбацій и въ теченіи тысячелѣтія сохранили чистымъ свой духовный образъ: тяжелый гнетъ ислама надъ Болгарами и Сербами не подавилъ духовной свободы этихъ народовъ; долгое монгольское иго не измѣнило духовной природы русскаго человѣка. Въ религіи, предлагаемой въ формѣ понятнаго роднаго богослуженія, въ священныхъ книгахъ на родномъ языкѣ находили славяне утѣшеніе въ годину своихъ несчастій, въ національной іерархіи, преданной народнымъ интересамъ, черпали они облегченіе въ скорбныя минуты своего историческаго бытія. Подъ щитомъ великаго дѣла славянскихъ апостоловъ сложилась самобытная славянская цивилизація, отстоявшая себя отъ напора несродныхъ ей западныхъ вліяній. Дѣло свв. братьевъ есть единственное дѣло, какое нужно назвать великимъ по отношенію къ славянамъ, а такъ какъ плоды этого дѣла выросли на почвѣ православнаго славянства, то здѣсь только и чествованіе памяти свв. братьевъ есть искреннее выраженіе благодарнаго чувства къ ихъ великимъ трудамъ. И если какая страна, то Россія особенно должна быть проникнута этимъ высокимъ чувствомъ: она наиболѣе воспользовалась плодами ихъ великаго дѣла. Сѣмя проповѣди, посѣянное свв. братьями на нашемъ югѣ, не пропало даромъ: оно ширилось и росло по великому водному пути до Кіева; оно сдѣлалось связующимъ звѣномъ съ нимъ между языческою Русью и православнымъ востокомъ; чрезъ него пролагалась дорога христіанству въ Россію въ формѣ восточнаго православія. Распространеніе христіанства и устройство церкви на Руси облегчились, благодаря готовымъ трудамъ свв. братьевъ, перешедшимъ къ намъ изъ Болгаріи. Подъ вліяніемъ ихъ великаго дѣла возникла наша духовная письменность; нашъ народный и литературный языкъ путемъ разныхъ филологическихъ трансформацій и варіацій, выродился изъ письменности, начало которой положено было свв. братьями.

И потому свято должна хранить Русь православная память славянскихъ апостоловъ! На всѣхъ пастыряхъ земли русской и на васъ, юные питомцы богословской науки, будущихъ пастыряхъ и учителяхъ русскаго народа, лежитъ святая задача поддержать эту святую память въ народѣ, закрѣпить въ сознаниі русскаго человѣка свѣтлый образъ славянскихъ учителей. Часто не сознавая, русскій человѣкъ любитъ своихъ первоучителей: псалтырь и часословъ, съ его точки зрѣнія, заключаютъ въ себѣ всю науку, всю философію спасенія.

Прошло тысячелѣтіе памяти славянскихъ просвѣтителей, пройдутъ и еще тысячелѣтія, пока будетъ стоять славянскій міръ, и не потеряютъ своего значенія заслуги свв. братьевъ для славянскаго міра. Съ развитіемъ національно-славянскаго самосознанія въ большей степени оживится въ сознаниі славянскихъ народовъ свѣтлый образъ святыхъ первоучителей — этихъ вѣстниковъ духовной свободы и виновниковъ духовнаго самобытнаго развитія православнаго славянства. Усмотритъ въ нихъ славянскій міръ живой залогъ родственной связи всѣхъ своихъ племенъ, и сохранившихъ свято ихъ дорогое наслѣдіе, и столкнутыхъ съ правильной дороги своего развитія насиліями Рима. И придетъ, можетъ быть время, когда наши западные братья, измѣнившіе своимъ первоучителямъ, вызовутъ къ жизни у себя ихъ дѣло, обратятся къ животворному свѣту, разлитому ими на славянскій міръ, и отвернутся отъ блестящаго, но холоднаго, не грѣющаго свѣта, который такъ скудно льется изъ палатъ Ватикана.

И дрогнетъ тогда кичливый западъ, когда изъ устъ многомилліоннаго славянскаго колосса, объединеннаго въ единомыслиі и православіи, загремитъ единодушный гимнъ прославленія своихъ первоучителей, польется слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ!

П. Малицкій.

Р ъ Ч Ъ

преподавателя С. А. Петровскаго.

Сегодня исполнилась тысяча лѣтъ со дня кончины св. Меодія. Многомиллионный славянскій міръ празднуетъ память своихъ первоучителей, но славить онъ ихъ и не едиными устами и не единымъ сердцемъ. Религіозная и политическая рознь раздѣляетъ славянъ. Ни Велеградъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ св. Меодій, ни Римъ, гдѣ скончался и погребенъ братъ его Кириллъ, ни Кіевъ, ни Москва не могутъ быть центрами, куда собрались бы представители славянскихъ племенъ на общій праздникъ. Православное славянство, во главѣ съ Россіей, хочетъ придать настоящему торжеству характеръ по преимуществу церковный; католическій западъ пользуется имъ для своихъ церковно-политическихъ демонстрацій противъ православныхъ славянъ и всей восточной церкви. Изъ предыдущей рѣчи мы видѣли, насколько основательны притязанія римской церкви на заслуги первоучителей; теперь мы посмотримъ, въ какой связи стояла дѣятельность свв. братьевъ съ исторіей славянъ и какое значеніе имѣла она для ихъ государственной жизни и національнаго сознанія.

Въ незапамятныя времена пришли славяне въ восточную половину Европы. Долгое время они, подъ темными именами скивовъ, венедовъ, антовъ, роксоланъ и др., ускользали отъ вниманія точной исторіи. Они, несомнѣнно, принимали дѣятельное участіе въ тѣхъ массовыхъ передвиженіяхъ, которыя бороздили и мало по малу измѣняли лице Европы; потомъ они стали осаживаться на своихъ мѣстахъ. Въ это время славяне только что начинали покидать свой полудикій образъ жизни. Гражданственность находилась у нихъ въ зачаточномъ состояніи; грубое язычество, не успѣвшее сложиться въ формы опредѣленнаго культа, было ихъ религіею; „черты и рѣзы“ замѣняли славянамъ наше письмо, и при помощи ихъ пытались они изображать свою смутную, только что начинавшую пробуждаться, мысль. Но вотъ касается славянъ могучая цивилизующая сила—христіанская пропо-

вѣдь; они начинаютъ принимать крещеніе отъ греческихъ и римскихъ священниковъ. Христіанскую мысль новообращенные славяне изображаютъ латинскими и греческими письменами и, не имѣя „своего разума“, находятся въ духовномъ рабствѣ у чуждыхъ народовъ. Прошло двѣсти лѣтъ. Тогда, по выраженію черноризца Храбра, „человѣколюбець Богъ, устроивающій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію“, помиловавъ народъ славянскій, послалъ ему св. Кирилла, и послѣдній съ братомъ Меѳодіемъ далъ славянамъ письмена и вмѣстѣ съ тѣмъ самобытную славянскую мысль. Протекло съ тѣхъ поръ болѣе тысячи лѣтъ, и историка не можетъ не поражать слѣдующій знаменательный фактъ: славянскіе народы, которые въ чистотѣ сохранили мысль своихъ первоучителей, прошли черезъ цѣлые вѣка борьбы и испытаній, не утративъ своего національнаго облика; они иногда изнемогали и падали въ неравной борьбѣ, но какая-то внутренняя духовная сила помогала имъ снова подняться на ноги и отстоять свою самостоятельность; иное явленіе замѣчаемъ мы въ той половинѣ славянскаго міра, которая измѣнила завѣтамъ первоучителей: ее постигло духовное и государственное иго чужихъ народовъ. Что это? случайное явленіе, которое нимало не связано съ проповѣдью свв. Кирилла и Меѳодія, или послѣдняя имѣла рѣшающее значеніе не только для церковной, но и для государственной жизни славянъ? Мы беремъ на себя смѣлость представить нѣсколько фактовъ и соображеній, которые помогутъ намъ уяснить до нѣкоторой степени этотъ вопросъ,—одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ въ славянской исторіи.

Историческая жизнь славянъ начинается въ то время, когда германцы, сплотившись въ одну политическую единицу, двигаются къ востоку и становятся непосредственными сосѣдями славянъ. Исторія предлагаетъ послѣднимъ суровый и трудный вопросъ, который и въ настоящее время еще далекъ отъ своего окончательнаго разрѣшенія, вопросъ о сохраненіи свободы, національности и занятой ими страны. Нѣмцы, по самому географическому положенію, являются врагами славянъ. При Карлѣ Великомъ значительная часть послѣднихъ подчинилась франкскому

оружію. Великій Императоръ и его ничтожные преемники неуклонно стремятся къ востоку и вносятъ нѣмецкую народность въ славянскія земли. Для нѣмца названія „рабъ“ и „славянинъ“ стали синонимами, и въ современныхъ документахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ выраженія: жертвуется такому-то монастырю „земля, населенная рабами или славянами“. Важною подмогою въ порабощеніи славянъ была проповѣдь христіанства между ними. Воинъ и проповѣдникъ дѣйствовали за одно, и политическое подчиненіе шло рука объ руку съ церковнымъ; Карлъ Великій и его преемники смотрѣли на христіанство, какъ на средство сплотить свою монархію и связать ея части одинаковыми гражданскими и церковными учрежденіями. Потому-то проповѣдь христіанства здѣсь встрѣтила такое сопротивленіе. Христіанское стало равносильно нѣмецкому, славянское—языческому. Всякій, кто жилъ родными интересами, враждебно относился къ христіанству; наоборотъ, всякій ревностный христіанинъ среди западныхъ славянъ неизбежно становился гонителемъ всего славянскаго и проводникомъ нѣмецкаго вліянія. Между тѣмъ язычество отжило свое время и самые фанатическіе его представители невольно сознавались въ безсиліи своихъ боговъ. Вопросъ о принятіи христіанства стоялъ на очереди. Приходилось рѣшать трудную дилемму: нужно было создать христіанскую культуру, но на началахъ чисто національныхъ; нужно было устроить христіанскую церковь, но такую, которая не была бы орудіемъ порабощенія въ рукахъ чуждыхъ національностей, которая слила бы свои интересы съ народными и помогла славянамъ въ тяжелой борьбѣ съ нѣмцами. Куда обратиться за христіанской истиной—въ Римъ или въ Византію? Первый уже въ достаточной степени проявилъ свои порабощительныя стремленія; между тѣмъ послѣдняя давала мѣсто самостоятельной національной церкви и богослуженію на родномъ языкѣ, и слѣдовательно нужны лишь были такіе дѣятели, которые создали бы для славянъ и то и другое.

Моравія была первымъ славянскимъ государствомъ, которое пыталось выполнить задачу объединенія славянъ и борьбы съ нѣмцами. Въ первой половинѣ IX в. князь Моймиръ, считающійся основателемъ моравскаго государ-

ства, принялъ христіанство. Преемникъ его Ростиславъ былъ одинъ изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которъ умѣютъ угадать и указать народу путь развитія и прорусификаціи. Заклятый врагъ нѣмцевъ, онъ хорошо понималъ, что для независимаго существованія славянскаго государства необходима прежде всего независимая славянская церковь, что нѣмецкое духовенство будетъ главнымъ препятствіемъ на пути народнаго и государственнаго развитія, что народъ всегда съ недоувѣріемъ будетъ относиться къ непонятному богослуженію. Руководясь этимъ соображеніями, Ростиславъ обратился въ Византію съ просьбою прислать славянскихъ проповѣдниковъ, и отвѣтомъ на его просьбу было появленіе въ Моравіи знаменитыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Мы не станемъ слѣдить за ихъ дѣятельностью въ Моравіи, Чехіи и Панноніи; укажемъ лишь на ея общій характеръ. Во всѣхъ славянскихъ странахъ, которыхъ касается дѣятельность свв. братьевъ или ихъ учениковъ, возникаютъ національныя церкви, которыя служатъ не тормазомъ, а могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ народнаго и государственнаго развитія; созданный ими языкъ библии и богослужебныхъ книгъ не только полагаетъ начало національнымъ славянскимъ литературамъ, но служитъ еще главною опорою народной самобытности и способствуетъ сознанію славянскаго единства; только существованіемъ этого языка можемъ мы объяснить ту широту національно-славянской идеи, какую мы замѣчали, напр., у нашего первоначальнаго летописца. Въ качествѣ моравскаго архіепископа Меѳодій ведетъ постоянную и упорную борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ, которое хочетъ вытѣснить изъ Моравіи славянское богослуженіе и утвердить здѣсь свое вліяніе; въ эту борьбу онъ влагаетъ всю свою душу, пока не падаетъ, какъ вошь среди вспаханнаго имъ поля. Вообще славянскіе первоучители не были только распространителями христіанства: они положили начало особой христіанско-славянской культурѣ, въ противоположность римско-нѣмецкой; они, если такъ можно выразиться, создали славянскій народъ. Одна грубая физическая сила, которая выражается въ воинственности и численности, не даетъ еще народу права на самостоятельное существованіе и

почетное мѣсто въ исторіи. Огромныя завоевательныя монархіи востока едва переживали своихъ основателей. Народъ только тогда можетъ создать прочную государственность, когда онъ создастъ и сознаетъ свой духовный обликъ, когда онъ въ основу своего развитія положить свои самобытныя начала. Это трудное дѣло и было совершено для славянъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но Моравія не сумѣла воспользоваться плодами ихъ дѣятельности. Славянской церкви не суждено было утвердиться въ этой странѣ; нѣмецкое духовенство успѣло вытѣснить учениковъ св. Меѳодія. Преемникъ Ростислава Святополкъ не понималъ, какое значеніе для Моравіи могла имѣть національная церковь. Ведя борьбу съ германскимъ королемъ Арнульфомъ, онъ сдѣлалъ довѣреннымъ лицомъ при себѣ епископа Моравіи Викинга. Какъ члену римско-католической іерархіи и нѣмцу, Викингу чужды интересы Моравіи, и въ 893 г. мы уже видимъ его при дворѣ нѣмецкаго короля. Послѣдній призвалъ на помощь венгровъ и, пользуясь раздорами между сыновьями Святополка, нанесть моравамъ жестокое пораженіе. Это пораженіе не имѣло бы рѣшающаго значенія, если бы князя Моравіи и ея народъ сохранили живое національное чувство, но теперь, подчинившись Германіи въ духовномъ отношеніи, они не могли сохранить и политической самостоятельности. Это событіе одно изъ самыхъ важныхъ въ славянской исторіи. Венгерское нашествіе отдѣлило южныхъ славянъ отъ западныхъ; связь послѣднихъ съ Византією была разорвана; славянская церковь, самая крѣпкая опора народной самобытности, была до основанія разрушена налетѣвшею бурей. Западные славяне, по необходимости, должны были примкнуть къ западу и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, но при этомъ они даже и съ Римомъ не имѣли непосредственныхъ сношеній: христіанство и просвѣщеніе шли къ нимъ черезъ Германію, и эта связь западныхъ славянъ съ нѣмцами была роковою для ихъ народной и государственной независимости.

На смѣну павшей Моравіи выступаетъ Чехія. Св. Меѳодій положилъ здѣсь начало христіанской церкви, но венгерское нашествіе принудило чеховъ искать проповѣдниковъ и учителей слова Божія у нѣмцевъ. Чтобы понять,

какими началами руководилось это римско-нѣмецкое духовенство, достаточно указать на второго пражскаго епископа Войтеха. Проникнутый римскими воззрѣніями, онъ, не смотря на свое славянское происхожденіе, всѣми мѣрами заботился о сближеніи Чехіи съ западомъ и объ искорененіи славянскаго богослуженія. Церковная пѣснь на славянскомъ языкѣ звучала въ его ушахъ языческою богослужебною пѣснью; слово „Богъ“ напоминало ему языческаго идола, и только слово Deus означало истиннаго Бога; все національное было ему ненавистно, такъ какъ онъ не отличалъ его отъ языческаго. Нужно принять во вниманіе значеніе духовенства въ средніе вѣка, чтобы понять, чѣмъ грозило Чехіи это отступленіе отъ завѣтовъ первоучителей. Въ средніе вѣка церковныя отношенія нерѣдко преобладали надъ политическими; присоединяясь къ латинской церкви, славянинъ тѣмъ самымъ признавалъ власть не только духовнаго главы запада — папы, но и его свѣтскаго главы — римско-германскаго императора. Духовное иго, которое наложила на себя Чехія, неминуемо влекло за собою политическое подчиненіе. Въ началѣ XI в. Чехія становится вассальною страной германской имперіи, и славянскій бытъ все болѣе и болѣе разлагается подъ вліяніемъ чуждыхъ понятій и учрежденій. Хотя въ XIII и XIV вв. Чехія нѣсколько разъ достигаетъ значительной высоты и могущества, но по своимъ началамъ это не славянское государство. Оно создало у себя шляхетское сословіе и знатныхъ пановъ, которые живутъ и своевольничаютъ въ своихъ замкахъ, подобно нѣмецкимъ баронамъ и стыдятся своихъ прежнихъ славянскихъ именъ. Нѣмецкіе колонисты наводнили Чехію; чешскіе города получили магдебургское право; нѣмецкіе торговцы и промышленники подавили славянское населеніе. Национальное чувство было настолько утрачено, что ни одинъ изъ чешскихъ государей не воспользовался своимъ могуществомъ и упадкомъ императорской власти, чтобы порвать вассальныя отношенія къ Германіи. Титулъ имперскаго курфирста и корона „священной римской имперіи нѣмецкой націи“ были такими приманками, за которыя чешскіе короли охотно заплатили народною самобытностью. Не идея народности не погибла; она пріютилась среди людей

которые понимали, что отступление отъ славянскихъ началъ грозитъ гибелью ихъ родинѣ, и встрѣтила сочувствіе въ массѣ простаго народа, положеніе котораго ухудшилось подѣ дѣйствіемъ нѣмецкихъ началъ. И замѣчательно, что эти національныя стремленія вырастаютъ на почвѣ церковной. Въ XV в. возникаетъ гусситское движеніе, на которое несомнѣнно вліяли воспоминанія о старой славянской церкви Кирилла и Меѳодія, въ которой богослуженіе совершалось на родномъ языкѣ и причащеніе давалось подѣ обоими видами. Но память о народной церкви возбуждаетъ и мысль о политической независимости, и гусситскія войны имѣютъ характеръ не только церковнаго, но и національно политическаго движенія. „Это былъ, по выраженію извѣстнаго знатока славянства, внезапный взрывъ задавленной славянской стихіи, это былъ отчаянный порывъ низвергнуть то, что наложено было на чешскую землю вѣковымъ господствомъ западной религіи и западныхъ общественныхъ началъ“. Движеніе, какъ извѣстно, было подавлено, но „если народность чешская, засыпавшая уже предсмертнымъ летаргическимъ сномъ въ XIV в., еще уцѣлѣла и сохраняетъ свою жизненность въ XIX в., то этимъ она обязана гусситскому движенію“.

Мы не станемъ излагать исторію Польши, хотя и здѣсь мы могли бы прослѣдить постепенное разложеніе славянскихъ началъ и упадокъ государства подѣ давленіемъ иноземныхъ вліяній и увидѣли бы, что отсутствіе національной славянской церкви, особенно въ первый періодъ польской государственной жизни, играло при этомъ немаловажную роль. Въ русской исторіи мы укажемъ лишь на одинъ изъ тѣхъ многихъ моментовъ, когда сознаніе своей національно-религіозной особенности помогло русскому народу и государству пережить годы испытаній и отстоять свою самостоятельность отъ притязаній запада. Мы говоримъ о смутной эпохѣ, когда все, повидимому, распалось въ русской землѣ. Государства, въ строгомъ смыслѣ слова, не было; различныя области явно стремились къ самостоятельности; русскіе люди, по мѣткому выраженію матери Михаила Ѳедоровича, измалодушествовали и потеряли всякое нравственное чувство. Но въ

народѣ было крѣпко сознаніе „славянскаго“ православія, каждый русскій человекъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Гермономъ, мысленно произносилъ: „латины костель устроили въ кремль, слышать не могу латинскаго пѣнія!“ И это сознаніе послужило исходною точкою того движенія, которое спасло русскую землю отъ власти иноземцевъ. — Мы не будемъ касаться и исторіи южныхъ славянъ; скажемъ только, что, оставаясь вѣрными началамъ, которыя проводили въ своей дѣятельности свв. братья, южно-славянскія племена сербовъ и болгаръ не могли утратить національнаго сознанія, и это помогло имъ перенести всѣ историческія бури и невзгоды.

Намъ кажется, что сказаннаго вполне достаточно для того, чтобы опредѣлить значеніе просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія для государственной жизни славянъ. Съ этой точки зрѣнія они являются національными всеславянскими дѣятелями, которые указывали славянамъ путь самостоятельнаго развитія. Славянскіе князья создавали политическое тѣло, а дѣятельность Кирилла и Меѳодія, положившая начало особой славянской культурѣ, вдыхала въ это тѣло „душу живую“, безъ которой государственный организмъ не могъ существовать. Многимъ казалась странною мысль славянофиловъ, что славянство какъ бы создано для православія. Дѣйствительно, кто вѣритъ, что въ православіи находится безусловная истина, тотъ долженъ думать, что она одинаково доступна и обязательна для всѣхъ народовъ. Но это воззрѣніе получаетъ глубокій смыслъ, если взглянуть на дѣло съ другой стороны. Исторія поставила славянъ въ такое положеніе, что связь съ восточною церковью была для нихъ необходима, ибо подчиненіе западной влекло за собою потерю національной самобытности и политической самостоятельности: мы видѣли, чѣмъ заплатились славянскіе народы, которые измѣнили завѣтамъ свв. братьевъ. Теперь они снова вспоминаютъ и прославляютъ ихъ дѣятельность и это не можетъ не радовать всѣхъ, кому дороги интересы славянства. Какъ бы ни были различны чувства и цѣли, съ которыми собрались славяне на свой національно-церковный праздникъ, всюду слышатся одни и тѣ же имена, которые напоминаютъ славя-

намъ о единствѣ ихъ происхожденія, объ одномъ первоначальномъ источникѣ, изъ котораго они почерпнули христіанскую истину и просвѣщеніе, о церковно-славянскомъ языкѣ, этомъ могущественномъ орудіи славяискаго единенія. Считаемо вполне умѣстнымъ повторить здѣсь слова, сказанныя семь лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ историкомъ К. Н. Бестужевымъ — Рюминымъ, при видѣ могучаго движенія, охватившаго тогда славянскія племена: „Заря новой исторической эры занимается; предразсвѣтный туманъ еще покрываетъ землю; работники выходятъ въ поле, до полудня далеко; ждутъ ихъ, быть можетъ, и грозы, и дожди, а можетъ быть и градобитія, но мы вѣримъ, что какъ грозы минувшаго не только не повредили русской землѣ, а еще послужили ей въ пользу, такъ и въ будущемъ послѣ каждой грозы славянство будетъ вставать еще сильнѣе и могущественнѣе. Не даромъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ славянства сказалъ:

Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой,—
И Богъ побѣды не отерочитъ
Въ угоду трусости людской!

Пойдемъ же каждый на свое дѣло: каждому въ этомъ дѣлѣ есть своя доля, какъ бы скромень удѣлъ его ни былъ. Да будутъ только въ этой дѣятельности постоянно предъ умственнымъ взоромъ нашимъ высокія слова троцаря изъ службы свв. Кириллу и Меѳодію. „Яко апостоловъ единоправнїи и словенскихъ странъ учителяе, Кирилле и Меѳодіе богомудріи, Владыку всѣхъ молите, вся языки словенскіе утвердити въ православіи и единомыслии, умирити мїръ и спасти души наша“.

С. Петровскій.
